

ПРОСТРАНСТВО СМЕРТИ КАК РЕШАЮЩИЙ ФАКТОР КОПЕРНИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Коперниканская революция истолковывается в статье как исчерпание средневековой культурной традиции. При этом непосредственным толчком к разрушению средневекового мировоззрения становится необходимость пересмотра местоположения пространств смерти — рая и ада — в структуре мироздания.

Ключевые слова: пространство смерти, коперниканская революция, самоуничтожение, средневековое мировоззрение, сущность христианства.

Пространство и время — одни из наиболее загадочных философских категорий, истолкование которых выводит нас из плоскости т. н. «основного вопроса философии», восходящего, в свою очередь, к платоновскому противопоставлению истинного мира идей ложному миру вещей. Действительно, что есть пространство и что есть время? Особого рода вещи, как считали древние? Например, пространство можно истолковать как вместителище вещей, а время как реку. Подобная реистическая концепция пространства и времени фигурирует у древних греков, которые верили в подземную реку Стикс, отделявшую царство живых от царства мертвых. Аналогичным образом римляне верили в пресловутую Лету, кануть в которую рано или поздно должен каждый из нас. Что же касается египтян, рекой времени для них выступал реальный Нил, на восточном берегу которого они строили города живых, а на западном, там, где заходит солнце, — города мертвых.

Если связь времени со смертью вполне очевидна, то ее связь с пространством воспринимается не столь явно. Между тем мертвые перестают существовать, быть рядом с нами, следовательно, они куда-то уходят. Иначе говоря, переход из бытия в небытие, т. е. откуда-то в никуда, замещался в сознании древних людей переходом из одного места в другое, недоступное живым. В этом смысле смерть воспринималась как начало тяжелого путешествия, к которому следовало подготовиться загодя. Относительно местоположения страны мертвых у каждого народа формировалась своя мифология. Например, скандинавы рассказывали про Вальхаллу, куда отправляются души павших воинов, чтобы пировать там вечно, в то время как человек, умерший своей смертью в постели от старости, перемещается в сумрачный Хель. Греческое царство мертвых, которым управлял мрачный Аид, находилось под Землей, в то время как боги пировали на высоком Олимпе. Последнее, очевидно, было связано с погребальным обрядом древних греков, где усопший предавался земле.

Аналогичные идеи встречаем мы и у древних евреев. Адам — человек, сделанный из глины. Бог лепит его из земли, и, соответственно, вернуться он должен в землю. Погребальный обряд греков и евреев — *закапывание*, в противоположность индусам,

---

* © Филатов Т.В., 2012

Филатов Тимур Валентинович (university-press@samsu.ru), кафедра философии естественных факультетов Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

которые кремировали своих покойников, веря в реинкарнацию, подобно тому, как мы сжигаем старые ненужные тряпки, обретая новую одежду. Наконец, у христиан противопоставление Аида (ада) и Олимпа достигает своего логического завершения, поскольку праведников помещают на небо, где еще по убеждениям египтян и вавилонян жили боги, а грешников — под землю. При этом небеса обещают райское блаженство, а ад — вечные мучения, тогда как у греков мучались одинаково все; именно поэтому Ахиллес говорит Одиссею, что лучше быть водоносом в мире живых, чем царем в царстве мертвых.

Цель настоящей работы — интенциональное истолкование коперниканской революции как *самоубийства* средневековой культуры. Актуальность поставленной в исследовании задачи определяется тем, что отечественная традиция истолкования означенного феномена носит сугубо внешний, экстенциональный характер. Средневековая религиозная культура, пройдя тысячелетний путь развития, дошла до своей «осени», когда ее тяжелый исторический опыт начал, наконец, давать определенные плоды. И здесь внезапно, как черт из табакерки, появляется экспериментальная наука, смело бросающая вызов религиозной культуре, находящейся в зените славы и могущества. Подобного рода истолкование краха средневековья представляется нам крайне сомнительным. Коперниканство не пришло в средневековую культуру откуда-то извне; оно явилось непосредственным следствием ее отрицания отрицания.

Парадоксально, но именно пространства смерти сыграли в самоупразднении средневековой культуры решающую роль. Дело в том, что создатель средневекового мировоззрения «осени» святой Фома Аквинский проповедовал крайний логицизм в стиле парменидова «мыслить и быть — суть одно». Он структурировал предельно рациональный мир, объединяя учение Аристотеля с учением католической церкви [1]. Еще бы: Бог, как «великий архитектор», не мог структурировать мир иррационально. Согласно аристотелевской системе, в центре мира находится Земля, что вполне соответствовало геоцентризму Библии. Над ней, на хрустальных небесах закреплены Солнце и планеты. Небес у Аристотеля семь; завершает мир небо Сатурна, за которым располагается сфера неподвижных звезд, скрывающая за собой загадочный Первый Двигатель [2, с. 322–324]. Именно в этом физическом пространстве, созданном материалистическим гением Стагирита, христиане вынуждены были располагать свои метафизические миры.

Веруя в жизнь после смерти, они помещали праведников в рай, или в Царство Небесное, которое естественным образом должно было расположиться на хрустальных аристотелевских небесах. Столь же естественным образом место для ада было найдено под землей. Вот здесь-то и возникла главная логическая трудность: почему Бог помещает в центр своего творения ад с дьяволом и грешниками, а сам, вместе с праведниками, оказывается на периферии сотворенного им мира [3, с. 107]? Абсурдность и нелогичность подобного рода решения вполне очевидна. Это все равно что расположить ровно посередине кухни унитаза с нечистотами. Логичнее было поместить в центр мироздания Бога с праведниками, сместив дьявола куда-нибудь в сторону.

Между тем Бог Сын ассоциировался в христианстве преимущественно с Солнцем, что можно, например, прочесть в мистических творениях Якоба Бёме, определившего Вселенную как «тело Божие» [4, с. 155]. Отсюда естественным образом вытекала идея движения Земли, восходящая к древнегреческому астроному Филолаю и озвученная в рамках христианской культуры Николаем Кузанским [5, с. 220–227]. Коперник лишь оформил означенную концепцию математически. Последнее, однако, привело к выходу проблемы на новый концептуальный уровень, что, в свою очередь, превратило коперниканство в бомбу, точнее, в пороховую бочку, *непреднамеренный* взрыв которой разворотил здание средневековой культуры.

Действительно, система Коперника оказалась в формальном противоречии с Библией, на что, как известно, обратил внимание кардинал Беллармин, указавший, что Иисус Навин просит у Бога остановить Солнце, а не Землю, дабы этот еврейский полководец смог закончить свое сражение. Далее коперниканство противоречило здравому смыслу, поскольку мы ощущаем движущимся Солнце, а Землю — покоящейся, тогда как Коперник утверждает прямо противоположное. Учение Коперника о движении Земли противоречило также физике Аристотеля, согласно которой в этом случае птицы и облака должны были бы отставать от движущейся Земли, а этого в реальности не происходит. Наконец, коперниканство хуже согласовалось с опытными данными, нежели геоцентрическая система Птолемея, поскольку Коперник предполагал движение планет по круговым орбитам, а не по эллипсам.

Кун в книге «Коперниканская революция» [6] обратил внимание на то, что такая плохая теория, как коперниканство, не смогла бы институализироваться в современной науке с учетом общепринятого сегодня критерия соответствия опытным данным, которому означенная теория удовлетворяла в значительно меньшей степени, нежели «подгоночная» система Птолемея. В целом он выделяет только одну безусловно позитивную сторону коперниканства: это была более *простая* и потому более логичная теория, нежели геоцентризм Птолемея.

Но что означает это тотальное стремление к простоте и, соответственно, к логичности? То, что логика, чистый разум, орудие, отточенное схоластикой, вдруг обратилось против своих творцов. Дело в том, что вера — весьма тонкая материя. В науке преобладает тенденция непрерывного движения, перехода от одной системы взглядов к другой, тогда как религия по своей природе статична, аккумулируя в том числе и архаические взгляды на природу мироздания, которые наука успешно преодолевает в ходе своего исторического развития. В результате между наукой и религией неизбежно возникает конфликт, замеченный еще Аверроэсом, попытавшимся преодолеть его посредством теории двойственной истины, согласно которой у науки своя истина, а у религии — своя. Но это начинание было обречено на неуспех вследствие своей алогичности. Эпоха релятивизма тогда еще не наступила, поэтому истина могла мыслиться только в тотальности, подобно монарху, единолично занимающему свой высокий трон.

Переиначивая аристотелевско-птолемеевскую картину мира в направлении большей логичности, коперниканство рушило средневековую культуру, геоцентрическую по своей природе. Именно поэтому церковь осудила учение Коперника, равно как и его более поздние продолжения и развития: физику Галилея и учение Джордано Бруно о бесконечности Вселенной и бесчисленном множестве обитаемых миров. Примечательно при этом, что Бруно по большей части воспроизводил идеи Николая Кузанского, вредоносность которых была осознана церковью с весьма большим запозданием. При этом Кузанский так и не был дезавуирован, хотя ссылки на него Джордано Бруно ни в коей мере не облегчили положение последнего.

Противостояние неба и земли на протяжении человеческой истории изначально было противостоянием высокого и низкого, недостижимого и попираемого пятой. Именно поэтому богов и праведников поднимали на должную высоту, тогда как грешников опускали ниже уровня почвы. Могила и закапывание всегда ассоциировались с адом. Самым мрачным видом тюремного заключения оказывалось помещение узника в подземелье, а Гоголю в страшных снах виделось погребение заживо. Однако помещение Земли в центр мироздания делало небо периферией, то есть чем-то вторичным относительно подлого и низкого.

Христианство изначально структурировалось в качестве религии рабов, обещая Царство Небесное тем, кто на земле был обречен только на муки и страдания. Дей-

ствительно, что могло дать «живому убитому», как именовали рабов в глубокой древности, античное язычество, воспевавшее красоту и силу героев, тех, кто предпочитал рабству героическую смерть? Последние с удовлетворением могли сойти в мрачный Аид на вечные муки, потому что их короткая, но яркая жизнь была прожита не зря, в отличие от якобы жизни рабов, этих живых мертвецов, муки которых на Земле тускло сменялись муками под землей. Но Христос учил, что *последние станут первыми*, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в рай.

Постепенно, однако, этот социальный пафос был утрачен католической церковью, которая институализировалась, превратившись в крупнейшего феодала Европы, в ту самую духовную власть, которая в период своего расцвета могла бросить вызов германским императорам. Папа обосновался в Риме, бывшей столице ушедшей империи, пространства которой веками хранили дух античного разврата. Роскошь и золото церковью заставляли вспомнить античные капища, а также золотого тельца. И мир в этой связи мог видеться только *центростремительно*, что требовало помещения Бога в центр мироздания, а не на его глубокую периферию.

Куда, однако, в этом случае помещать рай? Где вообще может быть Царство Небесное, если сама Земля оказывается на третьем небе от Солнца? Тем самым небо и Земля *уравниваются*, что приводит к тезису Бруно о бесчисленном множестве обитаемых миров, так что на Луне у нас должны обитать луняне, а на Марсе — марсиане. Причем они являются такими же материальными и смертными существами, как и мы, и так же в установленный срок зарываются безутешными родственниками в грунт их планет. То есть Царство Небесное становится трансцендентным, не имея более локализации в материальной вселенной. Аналогичным образом и ад должен быть трансцендентен, так что его нельзя помещать более в центр Земли.

Но при таком ходе мышления смерть лишается реального физического пространства, продолжая существовать только во времени. А это очень напоминает платоновский мир идей, отрицавшийся в свое время как иллюзорный Аристотелем. Где оказываются люди после смерти? В прошлом, т. е. в нашей памяти. Но в нашем мире у них нет пространственного «где», *места*, вследствие чего их нет нигде, кроме памяти; следовательно, их нет вообще. Традиция же такова, что мир мертвых всегда мыслился как параллельный миру живых, как левый и правый берега Нила. Именно поэтому души умерших могли посещать живущих, подобно небезызвестной тени отца Гамлета. Коперниканство, помещая Бога-Солнце в центр мироздания, скорее возрождало египетский культ Амона-Ра, нежели снимало противоречия в христианском мировосприятии.

Между тем изначальному пафосу христианства вовсе не противоречило помещение ада с дьяволом в центр мироздания, а Бога с праведниками — на задворки вселенной. «И последние станут первыми»... Роскошь и великолепие дворцов не вели на небо, куда скорее можно было попасть из убогой хижины. Центр, столица, сила и власть — это всегда обитель зла. Праведность следует обретать в отшельничестве и уединении. Коперник попытался изменить мир вовсе не потому, что бескорыстно стремился к некоей научной истине, а потому, что в его времена христианство стало другим. Оно утратило свой изначальный дух, *переродилось*, превратившись из религии рабов в религию хозяев. Что и вынуждало его разрушить нелогичный с точки зрения новой реальности средневековый космос.

Окончательным пунктом в этом движении, как ни странно, становится протестантизм, диалектическое отрицание католицизма, воплотившее в своей этике, как утверждал Вебер, пресловутый дух капитализма [7, с. 70–96]. Богатым, которых христиане рассматривали как изначально проклятых, продавших душу золотому тельцу, необходимо было доказать, что они вовсе не проклятые, а избранные, в отличие от жалких

неудачников, «лузеров», *пролетариев*, пришедших на смену античным рабам. И здесь опять же все делалось с самыми благими намерениями, под эгидой возвращения к первоначальному христианству, но результат, как и в случае с Коперником, вновь оказался антихристианским.

В целом же в эпоху Возрождения не наука победила религию, а переродившееся христианство не смогло более сохранять своего доминирующего положения в культуре, включив программу самоуничтожения. Нам представляется, что означенный исторический пример указывает на универсальный закон бытия, предполагающий включение программы самоуничтожения именно в тот момент, когда соответствующая экзистирующая структура исчерпывает свои потенции к обновлению, обозначая пресловутый «конец истории» в стиле гегелевской «Феноменологии духа» [8]. В этом состоянии экзистенциально бесплодный объект мог бы неопределенно долго длить свое существование, если бы не соответствующая программа упразднения им самого себя. Дух, прекративший развитие, перестает быть духом и тем самым переходит в небытие как дух.

В недрах переродившегося объекта с необходимостью структурируются процессы, уничтожающие данный объект. Форма более не соответствует содержанию, и это новое содержание взрывает изнутри устаревшую форму, упраздняя соответствующий объект с целью освобождения жизненного пространства для новой реальности. Объект существует только до тех пор, пока сохраняет свою *самость*. Но, как говорил еще Гераклит, все течет и все изменяется. И эти незначительные количественные изменения, теперь уже по Гегелю, рано или поздно приводят к качественному скачку. Однако это вовсе не пресловутый «прыжок из царства необходимости в царство свободы»; просто объект становится *другим*, что побуждает его выйти из прежнего себя, разрушая свои изначальные формы. Аналогичным образом птенец пытается обрести новый мир, разбивая скорлупу изнутри, но в нашем случае за ее пределами оказывается не бесконечная стационарная Вселенная Кузанского — Бруно, а пространство смерти, *коллапс*, аналогичный падению в черную дыру, что всегда сопровождается переходом от бытия к небытию.

Библиографический список

1. Аквинский Ф. Сумма теологии. Часть 1. Вопросы 1–43 / пер. с лат. С. Еремеева и А. Юдина. Киев: Ника-Центр, Эльга; СПб.: Алетейя, 2007. 560 с.
2. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней философии: учеб. пособие для филос. фак. и отделений ун-тов. М.: Высш. школа, 1981. 374 с.
3. Хюбнер К. Критика научного разума / пер. с нем. И. Касавина. М.: ИФРАН, 1994. 326 с.
4. Экхарт М. Духовные проповеди и рассуждения // М. Экхарт. Духовные проповеди и рассуждения. Я. Бёме. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. К.: Ника-Центр, 1998. 432 с.
5. Кузанский Н. Об ученом незнании / пер. с лат. С.А. Лопашова. СПб.: Азбука, 2001. 320 с.
6. Kuhn T.S. The Copernican Revolution. Cambridge: Harvard University Press, 1957.
7. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
8. Гегель Г.-В.-Ф. Феноменология духа. М.: Академический проект, 2008. 768 с.

T.V. Filatov*

THE DEATH SPACE AS A DECISIVE FACTOR OF COPERNICUS REVOLUTION

Copernicus revolution is interpreted in the article as exhaustion of medieval cultural tradition. Thus the necessity of revision of a position of spaces of death – paradise and hell – in the Universe structure becomes a direct push to the destruction of medieval world view.

Key words: death space, Copernicus revolution, self-destruction, medieval world view, essence of Christianity.

---

* *Filatov Timur Valentinovich* (university-press@samsu.ru), the Dept. of Philosophy of Natural Science Faculties, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.